

— Ты даже один сидишь так прямо? — вдруг странно скривился Улисс.

Сирил замер на мгновение.

— ...Думал о чём-то.

Тело действительно немного затекло. Он потер лоб, откинулся на спинку кресла, положил одну ногу на другую, подперев подбородок рукой, и только тогда почувствовал некоторое облегчение.

Затем он наблюдал, как тот медленно подошёл к столу, наклонился, опираясь правой рукой на спинку кресла, словно окружая его собой. Тень его тела падала на лицо Сирила, создавая ощущение сильного давления, но манера Улисса не изменилась с момента, как он вошёл в кабинет, и на его лице всё ещё была та же тёплая улыбка.

Сирил медленно моргнул. Ему пришлось поднять голову, чтобы увидеть его лицо.

Улисс мягко посмотрел ему в глаза, его улыбка была теплее и ярче солнца, что создавало резкий контраст с его низким, холодным голосом, словно он исходил не от него.

— Уважаемый герцог, ваш бедный друг ждал столько лет, но так и не смог разжать ваши благородные уста... Поэтому ему пришлось спросить лично.

Сирил молчал, удерживая взгляд, словно отводя глаза означало бы проигрыш.

Его ледяные голубые глаза были пусты и спокойны, как кристаллы воды, холодные и прозрачные, но не выдававшие ни единой эмоции. А глаза, которые смотрели на них, были тёплыми, как солнечный свет и весенний ветер, светлее коричневого, почти янтарные, как у кошки.

Казалось, он всегда был таким тёплым... Если не считать едва заметного холодного блеска в его глазах.

— До каких пор ты будешь со мной соревноваться? — спокойно спросил Сирил. — Я помню, ты не был слишком любопытным.

Улисс слегка приподнял верхнюю часть тела, чтобы лучше рассмотреть его лицо, и только спустя некоторое время, улыбнувшись, аккуратно убрал прядь волос, закрывающую уголок глаза Сирила, и небрежно сказал:

— Нет, ты знаешь, что моё любопытство к тебе никогда не иссякнет.

Его голос был мягким, словно он успокаивал ребёнка, а уголки губ слегка приподнялись в игривой улыбке. Его лицо не выдавало возраста, сочетая в себе молодость и ясность с мудростью и спокойствием, присущими старшим.

Он был как озеро, даже если дна не видно, оно всё равно оставалось прозрачным и прекрасным, на солнце даже проявляя красивый оттенок между серебром и синим, без единого намёка на мрачность и коварство, свойственные властителям теневого мира.

Сирил слегка отклонил его руку, убрал руку, поддерживающую подбородок, и выпрямился, пытаясь вырваться из этого слишком интимного положения, но Улисс, заметив это, без колебаний положил другую руку на край спинки кресла.

Теперь он казался полностью окружённым этим человеком, и хотя давление было не главным, такая поза вызывала явное недовольство.

— Улисс, — медленно произнёс Сирил, в голосе слышалось предупреждение.

— Скажи мне ответ, Сирил, — он улыбался, и чем шире была улыбка, тем больше в ней было решимости.

— Ты не должен знать, — Сирил оставался непреклонным. — Кроме меня, никто не должен знать.

Улисс молча смотрел на него несколько мгновений, словно пытаясь понять причину таких слов. Затем он медленно отпустил его, выпрямился и, глядя сверху вниз на его лицо, всё ещё не отводя взгляда от ледяных глаз.

Его длинные пальцы слегка коснулись его лица, словно это было неосознанное движение, так как их взгляды обменивались какой-то неизвестной информацией, и наконец он произнёс:

— Ты же не хочешь, чтобы я сам всё выяснил.

Почти в тот же момент глаза Сирила потемнели, и из глубины зрачков внезапно поднялась буря, заполняя всё пространство. Чем больше он злился, тем светлее становились его глаза. Если бы на льду загорелся огонь, а застывшая лава начала светиться, это было бы похоже на то, что сейчас происходило.

— Я злюсь, — Сирил схватил руку, лежащую на его щеке, и резко оттолкнул. — Отойди подальше — я не хочу тебя видеть.

Он встал, собираясь уйти, но тут же был снова усажен в кресло. Улисс с выражением смешанного сожаления и удивления на лице сказал:

— Ладно, ладно, это моя вина... Я не должен был угрожать... Но, думаю, у меня сейчас много времени... Может, расскажешь мне историю?

— Историю... или сказку? Ну, сказки ведь выдумки — это лучше.

Снова та самая улыбка, которая казалась искренней, но всё же раздражала.

— Ну?

Сирил холодно посмотрел на него.

Тот сразу же поправился:

— Я умоляю тебя рассказать!

Сирил смотрел на него долгое время, видя, что тот не собирается отступать, медленно закрыл глаза, а затем так же медленно открыл.

— Давным-давно... был один мальчик.

Улисс тихо засмеялся, но, получив ледяной взгляд, прикрыл большую часть лица рукой, продолжая смеяться беззвучно.

— У него был отец, мать и дедушка.

— Время и персонажи есть, а место?

— ...Они счастливо жили в замке.

— А потом? — Улисс улыбался, наслаждаясь моментом.

— Потом его родители умерли, — холодно продолжил Сирил. — А потом умер и его дедушка.

— Эта история закончена.

Он поднялся, опираясь на подлокотники кресла, и повернулся, чтобы уйти. Сделав несколько шагов, он почувствовал, как его руку крепко схватили, и две руки обняли его. На его плече оказалась вся тяжесть головы, и странное чувство, казалось, передалось через этот жест — всего на мгновение — а затем тот отпустил его.

На лице Улисса больше не было улыбки.

— Так вот в чём правда.

— Правду не знаю даже я, откуда тебе знать? — насмешливо произнёс Сирил.

Возможно, в этом мире не было никого, кто знал бы Сирила лучше, чем Улисс? Потому что он знал о нём больше всех? Те скрытые эмоции и мысли, которые прятались глубоко в сердце, только он мог увидеть с первого взгляда, понять с первого слова. Но, возможно, когда он встретил этого мальчика из истории, он уже опоздал.

Для Сирила лучший способ защитить человека — это ничего ему не рассказывать.

...Но сейчас он, пользуясь своим положением в его сердце, заставил его сказать это.

Смерть герцога и герцогини Серебряной Луны, а также старого графа Сирени, казалось бы, вполне обычные факты, почему же он выделил их — Сирил ничего не сказал, но даже эти слова уже указывали на ключевой момент — две смерти, за которыми скрывались две загадки. Замок, о котором он говорил, был белым замком на землях, названных в честь королевы Эльмы, и символизировал Англию.

Сирил сомневался в причинах смерти своих родителей и дедушки, и он даже подозревал, что за этим стояла государственная машина... Такие ужасные подозрения, поэтому он не мог никому рассказать.

— То, что произошло вчера... связано с этим? — медленно произнёс Улисс.

— Не знаю, — Сирил равнодушно разгладил складки на рукаве. — Я просто рассказал выдуманную сказку, смешную историю, и ты ничего не знаешь.

Улисс смотрел на его снова ставшие ясными глаза и вдруг захотел прикоснуться к ним, но сдержался.

— Сейчас у меня плохое настроение, что мне делать?

— Найди себе развлечение. Держись подальше от меня.

Сирил сделал несколько шагов, но затем вспомнил о чём-то, вернулся за стол и сел, холодно глядя на кого-то. Это ведь его территория, зачем уступать её этому типу.

Улисс, улыбаясь, поднял бровь, затем прикрыл большую часть лица рукой и, спустя некоторое время, опустив её, мягко пообещал:

— Не волнуйся... Я ничего не сделаю.

Сирил молча смотрел на него.

...Он не верил ни единому слову.

Сирил оставался в Париже почти неделю.

<http://bllate.org/book/17714/1655148>